

АРЗАМАС. В красках поп-арта

В марте на сцене Арзамасского театра драмы состоялась премьера эксцентричной музыкальной комедии американских авторов **Маргарет Мэйо** и **Мориса Эннекена** «Моя жена — лгунья». Режиссер-постановщик — **Александр Иванов**. Яркие постеры в фойе театра, красочные портреты западных звезд 60–80-х годов прошлого века, комиксы, игра с размерами, цветами и фактурами — все это ассоциируется с веселым и эпатажным искусством поп-арт, в стилистике которого выдержан весь спектакль. Получилось необычное зрелище. Это легкая, без особых глубоких внутренних переживаний история, позволяющая зрителю отдохнуть, развеяться и набраться сил после трудной рабочей недели. Сюжет пьесы не связан с политическими или социальными проблемами нашего времени. Перед нами своего рода визуализация и художественное воплощение известного выра-

жения о том, что тайное рано или поздно становится явным. Эту мысль надо чаще не только повторять детям, но и напоминать взрослым. В центре — история Кэтти Гаррисон (**Анастасия Зудкова**), которая, пообедав с другом семьи Джимми Джексоном (**Вячеслав Пичугин**), испугалась ревности мужа (**Александр Кистерев**) и начала лгать, приобщив к своей лжи и самого Джимми, и его жену (**Екатерина Главатских**), и служанку Бетси (**Елена Лупачева**). Уловки женщины множатся каждую минуту, превращаясь в снежный ком. В итоге ситуация разворачивается не в пользу лжецов. Зритель оказывается втянутым в круговорот ситуаций, шуток, танцевальных номеров. Однако настоящий спектакль не бывает без серьезной мысли и без драмы (даже если перед нами совсем несерьезная история). По большому счету, центральная проблема пьесы — не в ревности и даже не в маленьком вранье,

Бетси — Е. Лупачева, Мэджи — Е. Главатских, Кэтти — А. Зудкова

рождающем большую неправду, а в трагедии семьи Гаррисон, у которых нет детей. Роскошный дом — не совсем полная чаша: он наполовину пуст. Муж давно просит жену о малыше, но она не готова посвятить свою жизнь детским капризам и отказаться от вечеринок и путешествий.

С первых минут спектакля (даже еще до его начала) зритель сразу погружается в иную систему координат, в иную реальность, что свойственно стилистике поп-арта с его безудержным эпатажем. Поп-арт — направление в изобразительном искусстве середины прошлого века, которое широко использует образы растиражированных продуктов потребления. Этот стиль предназначен, чтобы удивлять людей своей экспрессивностью, контрастностью, яркостью. Яркие цветовые решения, повторяющиеся элементы, броские формы, использование пластика — вот основные черты стиля. Поп-арт открыто оспаривал принципы «хорошего дизайна в интерьере», отрицал ставшие уже традицией ценности модерна. В оформлении

сцены художник **Елизавета Егорова** активно играет с ярко-розовым, бирюзовым, белым и желтыми цветами, с размерами вещей, с фотографическими и рисованными изображениями, использует повторяющиеся мотивы для акцента (например, фотографии) и для фона (тиражированные рисунки).

Квартира Гаррисонов — это пространство, в котором не очень соблюдаются «законы» пола, потолка и стен, плавно перетекающих друг в друга. Пространство небольшое, что позволяет публике сосредоточиться на деталях. Идея производства исключительных и долговечных вещей заменилась тезисом «сегодня использовал — завтра выбросил». Это своего рода воплощение современной любви, как поп-искусство, которое все принимает. Оно подобно разрыву бомбы. В той же стилистике выдержаны и интересные костюмы героев, и их оригинальные прически. В середине XX века женщины удивляли неповторимыми пинап и попарт-укладками. Пучки, начес, ободок, платок,

Вильям — А. Кистерев, Кэтти — А. Зудкова

Мэджи – Е. Главатских, Кэтти – А. Зудкова

Сцена из спектакля

яркие заколки, цветки в волосах — все это признаки пинап. Самый популярный вариант такой прически — волосы средней длины, уложенные в виде волн или валиком. В макияже обязательное присутствие ярких деталей.

Для меня спектакль стал чем-то вроде внутреннего путешествия в непонятный мир комикса, который я для себя открыла. Радует, что Арзамасский театр постоянно развивается и находится в творческом поиске новых выразительных форм. Было сложно даже предположить, что форму комикса можно активно использовать в театре. Александр Иванов виртуозно смог реализовать на сцене эстетику и культуру комикса, абсурда, карикатуры, которые он использовал в своей новой работе. Комикс — это единство повествования и визуального действия. Рисунок здесь имеет некоторую долю условности. Он упрощается для скорости рисования и удобства восприятия и идентификации читателя с персонажем, что мы наблюдаем и в игре актеров. То, что делают артисты на сцене, очень похоже на театральную анимацию. В принципе сам довольно простой текстовый материал не требует от актеров построения каких-то сложных индивидуальных сценических образов. Все абсолютно определено жанром. Пьеса расписана по

амплуа и для актерского индивидуального поиска в ней, пожалуй, места нет. Актеры очень стараются не выйти за рамки предложенного амплуа. Удивительно, но они очень обаятельны внутри этих рамок. Полностью используя возможности характерной роли, они не пытаются сделать своих героев реалистичными, поэтому и постоянно привлекают симпатии зрителей.

В моем понимании комикс — идеальная сказка, сочетание увлекательного текста, любопытной фабулы, парадоксального юмора в богатой и красочно проиллюстрированной подаче, в особой телесной пластике и речевом интонировании. В результате получился многоликий, пестрый и временами даже неожиданный театральный нарратив.

Интересен и подбор музыкального оформления спектакля. Это композиции «Baby Swing Radio Edit», «Oh Come All Ye Faithful», «It Don't Mean a Thing», «Saint-Eustache», «Foolin' Around» и другие, создающие ретро-атмосферу эпохи середины и конца прошлого столетия, что делает эту постановку особой в репертуаре театра.

Главное — общее впечатление: спектакль получился забавным, очень добрым и семейному уютным.

Елена ВАЛЕЕВА

КЕРЧЬ. На уровне исповеди

В Керченском драматическом театре имени А.С. Пушкина состоялась премьера спектакля «История медведей панда, рассказанная саксофонистом, у которого есть подружка во Франкфурте» Матяея Вишнека. Для Крыма и самого города это стало знаковым событием: можно смело говорить о рождении профессионального театра в Керчи, которого, в общем-то, здесь и не было. Хо-

тя история гласит, что театр в Керчи появился до Крымской войны и просуществовал до 1939 года, но потом все попытки его возродить не имели успеха.

Само здание — торжественное, с колоннами, уже построенное после войны — называется театром, но это больше прокатная площадка с функционалом Дома культуры. Сегодня помещение закрыто на реконструкцию с прицелом, что здесь и размес-